

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

1.

Изъ пастырской практики сельскаго священника.

Многострадальная мать.

Было около часу ночи, когда меня разбудили. Яркія звѣзды мигали на небѣ и мѣсяць заглядывалъ въ окна. Была ясная зимняя ночь. Я всталъ и пошелъ въ кухню. Тамъ меня ждали два мужика въ желтыхъ тулупахъ. Ихъ ноги, завернутыя въ какія то тряпки, обмотанныя сверху веревками и обутыя въ лапти, очевидно, сильно замерзли и они, отогрѣваясь, топтались на мѣстѣ. Одинъ былъ коренастый старикъ съ сѣдою бородой, на которой висѣли ледяныя сосульки, съ большой лысиной на головѣ, типичнымъ южно-русскимъ лицомъ. Другой былъ молодой парень, съ тонкими чертами лица, высокій и стройный; быстрые глаза и углы губъ выдавали въ немъ человѣка твердаго, рѣшительнаго и энергичнаго.

„Благословите, батюшка“, заговорилъ старикъ, и они оба подошли подь благословеніе.

— Что скажете? спросилъ я.

„Да мы до твоей милости, отецъ,—къ больной просимъ“.

— Кто же у васъ боленъ-то?

„Да вотъ matka его, отвѣчалъ старикъ, указывая на молодого.

— А ты самъ-то кто?

Дядя ему, значится, буду“ и онъ снова указалъ на молодого.

— Чѣмъ же больна то она?

„Да ужъ давно больна, не говорила только. Съ тоски должно, не иначе. Двухъ сыновъ у ней въ солдаты берутъ, на войну, вотъ материна сердце-то и не спокойно. Не знаемъ, заста-

немъ ли еше. Лежить и уже почитай вовсе не говорить, еле дыханье слышно. Ужь подь святыя положили“.

Я пошелъ одѣваться.

— Да почему же вы двое то пріѣхали? спросилъ я, садясь въ сани.

„Да вѣдь ночь, батюшка, страшно одному-то. Дорогата вона какая, 30 верстъ—легко сказать, неравно на волковъ наскочишь“.

Я легъ на дровни. Старикъ сѣлъ около моей головы и правилъ лошадьми, молодой—у моихъ ногъ, и мы поѣхали.

Свѣтлая лунная ночь. Лошади тихо бѣгутъ по сонной улицѣ. Нигдѣ ни огня. Деревни—какъ вымерла. Мы выѣхали за околицу. Потянулась бѣлая, однообразная равнина, окаймленная чернымъ лѣсомъ.

„Какъ тутъ одинъ поѣдешь? заговорилъ старикъ, продолжая начатый разговоръ. Вѣдь у насъ въ Расеи на 30-то верстахъ пять деревень было-бы, а то и болѣ, тамъ можно одному ѣхать, а тутъ... Нѣтъ, никакъ невозможно. Вона какъ завываетъ, всю дорогу замело, а тутъ, слышно, волки бѣгали.“

— Да вы откуда? спросилъ я.

„Съ Расеи-то? Да полтавскіе“.

— Какъ житье-то тамъ?

„Да житье-то немудренное. Плохое тамъ житье. Земли нѣтъ. Своего-то хлѣбушка до Рожества, бывало, не хватить, а тутъ что, тутъ благодать. Почитай, у каждаго и сейчасъ еше много въ снопахъ лежитъ не молочено. Сами ѣдимъ, да еше и продаешъ малость. До новаго хватаетъ“.

— А тамъ?

„Ну, тамъ другое дѣло. На нашу семью по одной четверти десятины приходилось на душу. Чево тамъ“...

— Стало быть, здѣсь лучше жить?

„Скажемъ, что Сибирь не то, что Расея, но печего Бога гнѣвить. Тамъ хлѣбушка-то несѣяный ѣли, а тутъ сита мѣдныя

позавели. Ну, да вѣдь и то сказать, хлѣбушка-то слава Богу есть, такъ получше хочется. Бабы только спервоначалу не могли привыкнуть здѣшній хлѣбъ печь, а теперь ничего, не хуже расейскаго... Но-но-но!.. не балуй!.. крикнулъ онъ на лошадей.

— Давно переселились то сюда?

„Да лѣтъ, почитай, семь будетъ.“

Мы помолчали.

— Кто боленъ то? спросилъ я.

„Матка его“, отвѣтилъ старикъ.

— Какъ она жила то?

„Здѣсь то, аль въ Расеи?“

— Да и въ Россіи, и здѣсь.

„Эхъ, батюшка, тутъ какъ рассказывать про нее, такъ...
Нно-о-о... Экъ ты!..“

— А что, худо что-ль жилось то ей?

„И не приведи Богъ, худо. Въ Расеи-то они жили спервоначалу съ маткой только, отецъ-то ея, Ульяны то, матку то ево Ульяпой звать, солдатъ былъ, убили въ Севастополѣ, когда съ туркой да агличанкой воевали. Эхъ, молодчина, сказываютъ, былъ. Надъ туркой все потѣшался. Кажинную ночь чего нибудь да упреть у нихъ. Мой дядя тамъ былъ, такъ все это рассказывалъ. Сказываютъ, Государь тамъ былъ у нихъ, такъ ему крестъ на грудь повѣсилъ, а онъ ужъ тамъ въ больницѣ лежалъ, ноги ему дохтура отрѣзали. И радъ же онъ былъ, расплакался, какъ дите малое, какъ это Государь крестъ то ему прицѣпилъ. Умеръ онъ послѣ евова, а дядя тоже лежалъ тамъ, тотъ и сунуль ему этотъ крестикъ то, отдай дескать дочкѣ родительское благословенье, потому у него больше ничего и не было. Такъ баба то его и осталась съ дочкой махонькой, съ Ульяной-то, двоечко такъ и жили, ни родни, никого у нихъ не было. Хватили онѣ тутъ горя то. Вдова такъ она вдова и есть—сиротская доля. Тошно было. Мать-то ину пору плачетъ, а эта то утѣшать ее начнетъ, не плачь, дескать, матуся, ничего... Богъ не выдастъ“

свинья не съѣсть. Такая дѣвка славная была, такъ... отдай все да и мало.

„Ну, тутъ вотъ братаникъ-отъ мой, Тихонка, и присмотрѣлся къ ней. Ну, извѣстно, оба молодые, полюбились другъ другу да и поженились. А тутъ какъ разъ и война подоспѣла, а у ней ребятишки, двое или трое никакъ было. Онъ ушелъ въ Турещину, а она опять осталась сиротой съ ребятишками. Сама то плачетъ, да и мать то ейная плачетъ, дескать, убьютъ, какъ батъка. Поплакала—поплакала, да дѣлать нечего, ребятишки ѣсть хочуть и принялась снова работать. Прошелъ, должно, годъ, измучилась она, а мужъ-отъ, Тихонка-то, и воротился, да больной, и голова то у него перевязана, и руки прострѣлены, и ногу-то насилу волочить, заплакала пуще прежняго. Прохворалъ онъ такъ года два, думали, совсѣмъ помретъ, да нѣтъ, поправляться сталъ, а хромать то и по сейчасъ хромаеть. И сколько у ней муки было, не приведи ты, Господи! Такъ кое какъ перебивались изъ кулька въ рогожку. Совсѣмъ обѣдняли. Ну, тутъ и вышло разрѣшенье въ Сибирь ѣхать, собрались да и поѣхали“.

— Ну, а здѣсь то какъ?

„Здѣсь то ладно было начали жить, нужды то хоть такой не видали, да вотъ ужъ война то убила ее. Въ прошлый то разъ не брали, потому Государемъ такъ было указано, чтобы не брали нашихъ, которые недавно пріѣхали, а теперь-то вотъ ужъ взяли. Да и такъ ужъ она предчувствовала что ли, все войны боялась подъ конецъ то. Да и то сказать, вѣдь третья въ жизни. Да что и говорить, много она перетерпѣла на своемъ вѣку, много. А жалко, славная баба!“

— Много у ней дѣтей-то?

„Сыновъ то четверо, а дѣвокъ то должно три, ну да двѣ еще замужемъ.“

— А кто у ней на войну то пойдетъ?

„Да вотъ Нычипоръ, да еще Семка, да еще два зятя.“

— Четверо?

„Да, четверо„.

Мы замолчали. Я задумался. Откуда, думалъ я, эта простая женщина, эта „славная баба“, какъ ее называлъ старикъ Свиридь, откуда она могла почерпнуть такую силу, чтобъ перенести всѣ эти страданія. Что поддерживало ее? Что давало ей эту несокрушимую силу въ несчастіяхъ?. Перенесетъ ли она и это новое испытаніе и что даетъ ей силу перенести его?

Я лежалъ, растянувшись въ саняхъ, и, подъ однообразный скрипъ полозьевъ, бѣгъ лошадей и унылые возгласы старика Свирида, погонявшаго лошадей, въ причудливыхъ очертаніяхъ освѣщеннаго луною чернѣющаго лѣса мнѣ грезилась бѣдная хата, въ которой умирала маленькая, худенькая, блѣдная старушка, измученная страданіями и тревогами жизни. Вѣра простая и дѣтская вѣра въ Бога и Его помощь еще свѣтилась въ ея потухавшихъ глазахъ, та вѣра, которая давала ей силу и твердость, съ которою она переносила свои страданія.

„Вотъ и пріѣхали“, заговорилъ Свиридь. Я поднялся. Было все также темно, но луны уже не было и только звѣзды кое гдѣ мигали въ небѣ. Изъ окна хаты свѣтился огонекъ. Я окинулъ взорами дворъ. Это былъ обыкновенный дворъ переселенца, не успѣвшаго устроиться на новомъ мѣстѣ. Незагороженный заборъ стоялъ какъ то сиротливо, тамъ и тутъ лежали бревна, оглобли, жерди, всюду солома.

Я пошелъ въ хату. Небольшая хата въ двѣ комнаты слабо освѣщалась маленькой керосиновой лампочкой съ закоптѣлымъ стекломъ. Стѣны, потолокъ, полъ были черны, какъ земля.

Двѣ женщины суетились около больной, которая лежала на лавкѣ въ переднемъ углу; на нее были навалены какія-то тряпки, изъ-за которыхъ мнѣ не видно было лица умирающей. Глухіе подавленные стоны, какой то тяжелый зловѣщій хрипъ вылетали изъ груди. Я подошелъ къ ней и увидѣлъ среди груди тряпокъ блѣдное, вытянувшееся лицо, на которомъ лежала печать безысходнаго горя, нужды и отчаянія. Большіе черные глаза ея горѣ-

ли предсмертнымъ огнемъ. Увидѣвъ меня, она слабо протянула ко мнѣ руки и тихимъ прерывающимся голосомъ заговорила: „Батюшка, кормилецъ... не могу... тяжело... охъ, какъ тяжело...“ Я благословилъ ее, взялъ за руку и сталъ утѣшать. Она смотрѣла на меня своими воспаленными глазами и жадно вслушавалась. Я говорилъ ей о страданіяхъ Христа, о подвигахъ самопожертвованія, о любви къ людямъ, о пути въ царствіе Божіе.

„Да, батюшка, хочу... заговорила она, хочу... причастите...“

Я поспѣшилъ исполнить ея желаніе. Исповѣдь продолжалась недолго. Нѣсколько успокоенная она ждала причастія и съ умиленіемъ, съ вѣрою и надеждою на Бога, положившись во всемъ на Его святую волю, она повторяла священныя слова: „Вѣрую, Господи, и исповѣдую... сподоби мя неосужденно причаститься“.

Причастившись, она нѣсколько минутъ лежала спокойно, точно ангелъ мира пролетѣлъ и осѣнилъ ее своимъ крыломъ. Хрипа не было и только ея неровное дыханіе нарушало тишину. Но вотъ она начала дышать глубже, порывистѣе, сначала изрѣдка, а потомъ все чаще и чаще вылетали изъ груди хриплые звуки. Казалось, какой-то острый ножъ все глубже и глубже входилъ въ ея сердце, нанося ей одну ужасную, смертельную рану.

„Четверо, вѣдь... четверо, батюшка, заговорила она, на войну... Боже мой!“ и она, очевидно, зарыдала, такъ какъ грудь ея высоко подымалась; изъ груди вылетали отрывистые хриплые звуки. Она что-то говорила, но я не могъ разобрать, слышались только отдѣльныя слова: „на войну... убьютъ... отца... убили...“ Она забылась на нѣсколько минутъ. Опять наступила тишина. Все семейство было тутъ. Около меня стояли двое высокихъ и здоровыхъ мужиковъ,—это были ея дѣти—солдаты, отправлявшіеся на войну. Нѣсколько поодаль стояли другіе двое, тоже молодые и здоровые—это были ея два зятя—тоже солдаты.

Эта изстрадавшаяся женщина, перенесшая въ своей жизни такъ много горя, теперь, на смертномъ одрѣ терзалась мыслью, что четверо дорогихъ ея сердцу дѣтей поѣдутъ туда, гдѣ при

самомъ началѣ ея жизни погибъ ея отецъ, а въ срединѣ — изуродованъ мужъ.

Но должно быть сильна была эта женщина. Горькая, тяжелая жизнь, постоянная нужда и безысходное горе не убили въ ней крѣпкаго духа.

Она очнулась, подозвала къ себѣ дѣтей — солдатъ и сняла съ своей шеи крестъ и я, къ своему удивленію, узналъ въ немъ солдатскій Георгіевскій крестъ.

„Этотъ крестъ достался мнѣ отъ отца, сказала она, я всю жизнь носила его на шеѣ. Возьмите его и носите. Самъ-Царь — батюшка прицѣпилъ его на грудь вашего дѣдушки, потому что онъ служилъ ему вѣрой и правдой. Идите, идите, послужите, сладка смерть за него батюшку. Умрите, а сдѣлайте свое дѣло. За Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ“. И она надѣла его на шею одному изъ своихъ сыновей. Она устала отъ такой длинной рѣчи, упала на подушку и тяжело дышала, только большіе черные глаза ея горѣли рѣшимостью.

Но вотъ она закрыла глаза и забылась. Начался бредъ, но вскорѣ онъ прекратился и она лежала тихо и неподвижно.

Прошло нѣсколько минутъ. Изъ горла умирающей слышался легкій хрипъ. Ея грудь тяжело подымалась. Хрипъ раздавался все сильнѣе и сильнѣе. Ея глаза были закрыты. Одна изъ ея дочерей дала ей въ руки зазженную восковую свѣчу. Всѣ затихли. Началась предсмертная агонія. Я началъ читать отходную.

Хрипъ становился все тише, грудь ея вздымалась все медленнѣе и медленнѣе. Мертвая тишина нарушалась только хрипомъ умирающей да звуками моего голоса. Ни одного вздоха; казалось, все вымерло. Совершалось что-то необыкновенное и торжественное. Вдругъ она открыла глаза, обвела всѣхъ отуманеннымъ взглядомъ и сказала едва внятно: „Умираю... ой... молитесь..“. И она снова закрыла глаза и снова раздался тотъ же зловѣщій хрипъ. Глаза ея широко раскрылись. Она, быть можетъ, въ послѣдній разъ хотѣла взглянуть на близкихъ своему сердцу, но взглядъ

ея упаль на потолокъ и вѣки безсильно опустились. Въ ея груди будто что то порвалось, она вздрогнула всѣмъ тѣломъ и прижалась подбородкомъ къ груди. Изъ рта показалась пѣна. Она качнула головой по сторонамъ и открыла глаза. Въ ея взорѣ изобразился ужасъ. Глаза быстро закрылись. Она сильнѣе прижала подбородокъ къ груди, изъ рта снова вытекла пѣна, она какъ-то быстро вздрогнула всѣмъ тѣломъ, вытянулась и замерла. Пѣна ушла въ ротъ, глаза остались полуоткрытыми.

Страдающей матери не стало.

Но удивительно спокойнымъ и блаженнымъ было это блѣдное лицо со впалыми глазами. Казалось, никакія страданія не тревожили ее никогда и она спокойно отошла въ лучшій миръ, исполнивъ все, что могла, съ блаженной улыбкой на блѣдныхъ устахъ и съ вѣрой и надеждой на Бога.

Кругомъ раздался плачь. Я отслужилъ краткую литію и вышелъ.

Начинало свѣтать. Старый Свиридъ уже дожидался меня. Мы сѣли и поѣхали обратно. Лошади тихо бѣжали. Я думалъ о только что видѣнномъ и слышанномъ. Передъ моими глазами стояла маленькая, худенькая женщина. Въ моемъ умѣ пробѣгала ея жизнь, какъ она, среди всѣхъ своихъ страданій, сохранила ясность ума, твердость духа, какъ она—эта маленькая, простая и, повидному, слабенькая женщина съ такимъ мужествомъ переносила всѣ свои страданія, такъ твердо и мужественно умирала и такъ твердо и мужественно завѣщала умереть и своимъ дѣтямъ за Царя—Батюшку и Русь православную. И невольно предъ взоромъ моимъ вставали другіе *люди маленькіе слабенькіе* духомъ. Какая разница! Гдѣ ясность ума? Гдѣ твердость духа? Гдѣ любовь къ родинѣ? Гдѣ готовность пожертвовать всѣмъ дорогимъ для ея блага?

И понеслись передъ моимъ взоромъ вереницы людей съ искаженными отъ злобы и предательства лицами, и рядомъ съ ними, печально склонивъ голову, шла „она“, великая и спокой-

ная, многострадальная русская мать... И неужели это ея дѣти?
О, Русь, Русь! Куда ты несешься?...

3 февраля 1905 года.

Свящ. І. Благодатовъ.
